

Государство как предельная сила: культив или иная форма?

Идея о существовании в русском сознании особого «культа государства» широко распространена и на первый взгляд кажется убедительной.

Государству действительно приписывается исключительная значимость, выходящая за рамки обычного института. Однако при более внимательном рассмотрении становится ясно, что речь идёт не о культе в религиозном смысле и не о вере в благость или справедливость государства.

Государство в российском восприятии редко является объектом любви или морального одобрения. Его могут бояться, ненавидеть, презирать, считать враждебным или неэффективным. Тем не менее оно сохраняет особый статус — статус предельной инстанции, к которой апеллируют даже при полном отсутствии доверия. В этом смысле метафора божества оказывается полезной, но требует серьёзного уточнения.

Ключевая особенность состоит в том, что государство воспринимается не как инструмент общества, а как условие возможности самого общественного порядка. Без него общество мыслится как нечто распадающееся, возвращающееся в состояние хаоса. Поэтому государство выступает не источником добра или справедливости, а источником самого факта упорядоченности.

Причины такого восприятия лежат не в психологии или «национальном характере», а в структуре российского общества. В условиях сетевой когнитивной среды, где правила нестабильны, институты не автономны, а доверие носит локальный характер, возникает дефицит универсального механизма согласования. Государство начинает выполнять функцию внешнего координатора разрозненных сетей.

Если использовать религиозную метафору, то российское государство ближе не к христианскому Богу, а к безличной космогонической силе — судьбе, року, ветхозаветному божеству, способному быть суровым и несправедливым, но неизбежным. Это «божество без благости», которое не обязано быть нравственным, чтобы оставаться необходимым.

Поэтому термин «культ» оказывается неточным. Он предполагает почитание, эмоциональную привязанность и веру в благость объекта. В реальности же мы наблюдаем дистанцию, страх, иронию и одновременно зависимость. Более адекватным описанием является онтологическая гипертрофия государства — превращение его из одного из институтов в метафизический якорь социальной реальности.

В этом качестве государство становится последней инстанцией смысла и ответственности, заместителем универсального правила и гарантом минимального порядка. Даже протест против власти чаще всего направлен не на отрицание государства как такового, а на требование его «исправления», «возвращения к подлинности» или усиления.

Таким образом, для русского человека государство — не объект культа, а предельная сила, без которой социальный мир кажется не просто несправедливым, а несуществующим как упорядоченное целое. Это не вера и не поклонение, а форма онтологической зависимости, исторически сложившаяся в специфической когнитивной и сетевой среде.